

ПРОЛОГ

В полночь меня просто подбросило на кровати. Хотя не корабельный пожар, и не нападение пиратов, и не прикосновение пробежавшей по лицу голодной трюмовой крысы швырнули меня в земную реальность, нет. Мучительный, душный полусон-полуявь провёл передо мной вереницу смуглых людей, мускулистых, худых, обнажённых по пояс, в атласных малиновых длинных штанах. Лица их были безжалостны. В руках — большие изогнутые ножи. Они шли в мою сторону — и вдруг рты их раскрылись в немых воплях, а глаза засверкали, они *увидели* меня! Я сделал отчаянную попытку бежать, но не сдвинулся с места, а стал как-то странно проваливаться. Ноженосцы подпрыгнули, наклонились, не переставая вопить, а перед глазами мелькнула тонкая детская рука, почему-то покрытая шерстью, цепко сжимающая золотой тусклый то ли пест, то ли жезл с кольцом из синих самоцветов. Метнулось и исчезло чьё-то, диким образом изуродованное лицо, с глазками нечеловечьими, маленькими и пустыми; а из отдалённой темноты вылетел, кувыркаясь, тяжёлый изогнутый нож и через невероятно короткий миг рассёк воздух у самой моей груди.

Я успел проснуться и только поэтому не закричал.

ПРОЛОГ, ПОСТСКРИПТУМ

Сон отчётливо говорил мне: «Берегись!» Но дурные предчувствия покинули меня без следа, едва только я ощутил под ногами благословенную землю Англии. И другие мысли, и другие чувства заполнили всё существо моё.

Глава I МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ СКОРПИОН

После, в другие годы, я испытывал это чувство много раз: озноб восторга, незримый мучитель, возникающий в первые дни жизни на твёрдой земле после длительного болтания над бездной. Как только сходишь с корабля, мир, долгое время ограниченный бортами, увеличивается в сотни раз. Вот тут-то и впиваются в тебя острые иглы долгожданного удовольствия, и появляется этот озноб, и охватывает тебя всего, от макушки до пяток. Поэтому первые несколько дней после плавания матрос проводит как бы вполъяна, даже без вина и рома. Быть может, именно по этой причине за несколько часов спускаются обычно деньги, которых другим хватает на годы, в друзья зовутся люди, от которых следовало бы держаться подальше, а страсть и обожание выплёскиваются на женщин, от которых сухопутные мужчины отворачиваются, кривя рот.

ПОЛ ВМЕСТО ПАЛУБЫ

После того как я, считавшийся пропавшим законный владелец первого этажа нашего дома, объявил о своих правах, его без долгих раздумий поделили надвое: в левой половине, в мастерской, обосновались женщины, в правой, в выставочном зале — все остальные. И уж здесь-то, в зале, было на что взглянуть. Не поместившаяся у стен мебель, как в военном госпитале, громоздилась в совершенном беспорядке, причудливым лабиринтом. Некоторые матросы, конечно же, бросились в город, выбрав по своему вкусу гостиницы и таверны. Но многие, те, что выполняли работы с товарами на складах и такелажем на «Дукате», расположились вместе со мной в этом вот «госпитале». Сиденья и спинки изысканных кушеток и диванов скрылись под сброшенной грубой одеждой, сундуками, скарбом, ветошью, инструментами, оружием. Испаряли свою горелую кровь масляные лампы. Блистали там и тут медные части секстантов и компасов. Звенели монеты, гремели подбитые гвоздями башмаки. Гомон и смех, смешиваясь с табачным дымом, качались под потолком. Лоскуты, нитки, иглы, колбасные шкурки, бухты тонких канатов, фитили, шляпы, ружейные замки и пистолеты, выложенные для починки и чистки, вороха белья — как свежего, так и ношеного; накупленные без нужды безделушки, две клетки с птицами. Наконец, у самой двери — неизвестно кем и для чего принесённое с «Дуката» пушечное ядро. Сухари, порох, пустые и полные бутылки; удары кресал, высекающих огонь для трубок, шутки, хохот, заунывные подвывания, считающие себя, без сомнения, матросскими песнями — шенти. Мы дома. Мы на земле.

За домом, в обширном и мрачноватом дворе, на четырёх массивных камнях утвердили плиту, под которой непрерывно горел огонь. Так же непрерывно колдовала здесь миссис Бигль: желающие покушать не переводились.

Мелькали лица. Мясник, угольщик, констебль, нищий, наладчик навигационных приборов, весёлая и нахальная девица (вон её!), трубочист, аптекарь. Появлялись и свои — Давид, Алис, Эвелин, Эдд, Корвин. И снова чужие — дегтяр, зеленщица, священник, набивающий себе цену чиновничка из адмиралтейства, точильщик. Ну и конечно, поток шумных, всё время спешащих, хохочущих матросов. Орда захватила первый этаж, и качалась там, и гремела.

И напротив — затаились и умерли верхние этажи. Владелец их набрался сил прийти лишь на третий день, вечером.

Мы с Бэнсоном ужинали. Кое-что нужно было обговорить вдвоём, мы закрылись в бывшей моей комнатке с подоконником, ну и слегка закусывали. Отворилась дверь — неуверенно, робко. Сосед. Взъерошенный, бледный, губы и щёки дрожат. Он нерешительно замер в проёме, но за спиной его кто-то свистнул, что-то грохнуло, и он метнулся к нам, захлопнув поскорее дверь.

— Гунны!* — бормотал он в опасливом, остороженьком гневе. — Берсерки!** Дикое племя, варвары!

По полу салона прокатилось пушечное ядро и с грохотом врезалось в дверь. Гость вздрогнул, втянул голову в плечи, упал на скамью. Бэнсон молча нарезал новых кусков ветчины, наломал сыр, налил пива, подал соседу. Тот двумя руками принял кружку, сделал глоточек. Да уж, не так пил он у нас пиво два года назад, не так. Тот был — властный хозяин, а этот — сиротка, запуганный и дрожащий.

Однако сироткой он оставался недолго, лишь до тех пор, пока не выложил то, с чем пришёл. Для меня, скажу

---

* Гунны — древний кочевой народ, воинственный и жестокий.

** Берсерк — безумный скандинавский воин.

честно, это было бесценным подарком. И, когда он назвал цену, я готов был выложить денежки, не торгуясь, да ещё и прибавить, и ещё долго-долго благодарить. Сказав, что он не имеет средств, чтобы вернуть мне арендную плату за два года, сосед предложил просто учесть эту сумму, списав её при сделке. А сделка такая: он продаёт мне оставшиеся два этажа, а сам со всей семьёй уезжает на приобретенную не так давно ферму (не там ли мои денежки, а?). Я готов был уже лезть под кровать и доставать кошель, но вдруг вспомнил, за какую сумму мы с плотником купили первый этаж, и сопоставил с тем, сколько он просит сейчас. Тут же с искренним недоумением я его об этом спросил. И разразилось торжище! Мы кричали, брызгая слюной, стучали по столу, расплёскивая пиво, и с неподдельным возмущением негодовали. Он настаивал на аргументе, что приобретаются не просто второй и третий этажи, а весь дом, целиком, без соседей, и, конечно же, такое приобретение и должно стоить дороже. Я же с грозным изумлением вопрошал — вот если бы он продавал эти два этажа любому другому человеку, то брал бы сумму, как лишь за два этажа. Я — равный со всеми в этой стране покупатель, но лишь за то, что это я — мне предлагается цена более чем вдвое! Где логика? Где справедливость? Хозяин тут же выкрикивал, что да, продавать кому-то постороннему — обычная цена. Но если бы покупателем был владелец подвала и первого этажа (кто-то другой, а не Томас Лей), то и ему выставялась бы цена более высокая, поскольку и он тогда становился бы обладателем всего особняка.

— Не стану, — устало заявил наконец я, — покупать два этажа по цене четырёх.

— Тогда нам придётся и дальше жить у вас над головой, — ответствовал он.

— Суд и взыскание арендной платы! — угрожал я.

— Залог фермы и выплата, — не боялся он.

А Бэнсон невозмутимо ел! Та-ак, ну ладно. Я поднял палец вверх и многозначительно проговорил:

— Но при всех судебных и прочих делах мои интересы будет представлять моё доверенное лицо. — Кивок в сторону Бэнсона. Тяжёлая, мерно жующая челюсть. Плечи, как два сундука. Крупная шишковатая голова. Кулачище в страшных шрамах. — Те, кто хоть когда-нибудь с ним спорили, больше не спорят. Поверьте. Ему не страшна полиция. Сегодня он здесь, завтра — в море...

Вдруг Бэнсон, добряк, молчун, застенчивый Носорог — взял тяжёлый и длинный нож, которым резал ветчину, вытянул его в сторону продавца и спокойненько, тихо сказал:

— Я таких ловкачей всегда на реях вешал. Сотнями!! — рывкнул вдруг он и шарахнул черенком ножа по столу, и привстал, и завис над нами.

Я сам подпрыгнул и вздрогнул. А Бэнсон сел, допил пиво, посмотрел в пустую кружку. Потом спросил меня снова негромко и равнодушно:

— А у нас сегодня человечесьей крови нет? Нет? Эх, жалко... Пойти тогда, хоть свињью зарезать, что ли...

Встал, взял кружку, нож и вышел.

Я не мог дышать. Я стонал, икал, давился смехом. На глазах выступили слёзы. И я удачно нашёл, как объяснить эти слёзы:

— Вы не поверите, как я его жалею. Погиб, пропал человек. Мальчишкой попал в Африке в плен к людоедам, — и вот к чему привык! Бедняга...

Хозяин тоже икнул, судорожно хлебнул пива. С отчаянием проговорил:

— Цена двух этажей, но про арендный долг забываем.

— Завтра с бумагами у нотариуса, — закрепил я.

Он вышел, придерживаясь за стену. Я догнал его и, придерживая за локоток, проводил сквозь «берсерков» и «гуннов». Ночью, мечтая о доме, плохо спал.

ТАЙНА БЕГЕМОТА

Как только мы выправили бумаги, сосед уехал. Быстро, в один день. Уж в помощниках и грузчиках недостатка не было! Я не верил себе, когда стоял возле дома, глядя вслед отъезжающим повозкам с чужим скарбom, сжимая в руке большую связку ключей, о которых не знал даже, который что отпирает. В голове стоял назойливый призрачный звон — аккомпанемент свалившемуся на меня счастью. Дом, особняк — и где! Почти в центре Бристоля! Свадебный подарок для Эвелин, и такой, какой не в состоянии сделать человек. Из тех, которые под силу лишь самой Судьбе. И страшно, и весело.

Вечером мы с Бэнсоном пребывали в уютнейшем в мире месте — на женском полуэтаже нашего дома. Что с того, что это всего лишь столярная мастерская! И верстаки, и сметённые в одну большую, с смолистым запахом, кучу стружки, и стоящие вприклон к стене гладко выструганные плахи — всё это никак не мешало новеньким занавесочкам, узорчатым тканым дорожкам, появившимся неизвестно откуда цветам в вазочках. За одним из столярных столов Мэри и в неизменных белых перчатках Уолтер неспешно пили чай. Алис уложила Бэнсона животом на пёструю вязаную дорожку и осторожно переступала босыми ножками по его спине, плечам, икрам. Время от времени удовольствие его доходило до какого-то тайного предела, и тогда над полом прокатывался могучий вздох — как будто в углу у нас лежал и пыхтел откормленный племенной бык.

Эвелин, моя наречённая невеста, стащила с моих ног башмаки и опустила мои ноющие, не знавшие в последние дни покоя ноги в большую дубовую лохань с горячей водой. Она, Гордая Королева, Солнце, Недосягаемый Ангел, присела, подобрав юбки, сбоку, взяла шарик белого мыла и принялась мыть и разминать мои ступни.

Наверное, я никак не вхожу в образ мужественного, волевого мужчины (ещё не вырос, наверное), и радость и счастье такой громадной и сладкой волной поднялись в груди моей, что из глаз выкатились, как я ни сдерживался, жаркие слёзы. Эвелин в какой-то момент подняла вдруг лицо — и оно задрожало, и судорога сладостной боли промелькнула на нём. Она сидела, смотрела снизу на меня и тоже тихо плакала.

— Как я тебя люблю, — проговорил я одними губами.

— Как я тебя люблю, — так же немо ответила она, сжимая пальцами под водой мои ступни. По воде разбежались кружочки от упавших в неё тяжёлых солёных капель.

Уже давно остыла вода, и почти растаяло мыло, а мы никак не могли прийти в себя. Помогла Алис. Долетел вдруг до нас её любопытный и настойчивый голосок.

— Ну Бэнсик, миленький, ну скажи, что вы с Томом скрываете!

Она стояла на коленях на его спине и, наклонившись к его щеке, жарко дышала, целовала, упрашивала.

— Ну скажи, про что вот ты говорил, что вы такое сделали? Или собираетесь? Это что-то большое? А не опасное? А я там есть?..

Бэнсон страдальчески кряхтел, отворачивался — и держался — было видно — из последних сил. А его рыженькая, с искорками в глазках подружка не отставала:

— Бэнсичко, скажи, скажи, негодяйко! Это страшная тайна, да? Ой, скажи-и! Ты тогда будешь не Носорог, Бэнсик. Ты тогда будешь Бегемот. Всё? Всё, скажешь?

— Что там за тайна, Бэнсон? — спросил я, тщательно вытерев перед этим глаза.

Он повернулся, виновато взглянул на меня и поднял вверх палец. Все посмотрели на потолок.

— Ловкач? — догадавшись, спросил я.

Он кивнул. Я сделал страшное лицо.

— Бэнсон! Как ты мог раскрыть такую тайну!

— Я только два словечка сказал, случайно...

— Сказал, сказал, — запрыгала на нём Алис. — Что вы все деньги на что-то истратили.

— Да? — вознегодовал я. — А не говорил, как он хва-
лился, что человечью кровь пил? Когда каких-то ловка-
чей на реях вешал? Сотнями? А?

— А-а-ай! — в восторге завизжала Алис. — Ну всё,
Бэнсон, рассказывай!

А я повернулся к Эвелин.

— Мы и правда истратили почти все английские день-
ги, — сказал я ей. — Понимаю, что две свадьбы скоро, но...
Теперь постараюсь быстро продать товары с «Дуката».

— Зачем ты оправдываешься, Томас, — ласково упрек-
нула она меня. — Я давно уже знаю — так, как делаешь
ты, — это так, как надо. Ты ведь купил что-то нужное?

Я на секунду смешался, не зная, как сказать — ведь
предполагалось, что эту новость я преподнесу, соответст-
вующим образом её приготовив. Да видно, нечего делать.
Приходит срок — и без тебя вершится случай, ты же знай
лишь поспевай по горячему следу. Я сокрушённо вздох-
нул, встал, выбрался из лохани с водой и, оставляя на по-
лу и дорожках мокрые следы, прошагал к двери.

— Вставай, Бегемот, — сказал на ходу. — Пойдём уж,
покажем эту страшную тайну.

И, распахнув дверь в коридор, крикнул:

— Вахта!

Расположенная напротив дверь выставочного зала
приоткрылась, выпустив полосу света и клуб рдеющего
белого табачного дыма; в щель просунулась чья-то голо-
ва с жующим ртом.

— Пару вахтенных сюда, — сказал я.

Рот перестал жевать и исчез, дверь закрылась, обрезав
свет, а я повернулся к радостно взволнованной компа-
нии. Бэнсон, виновато улыбаясь, сидел на полу, скрестив

ноги, Алис рыженькой белкой устроилась на его плече, как на троне. Пряча улыбку, вытирала руки передником Эвелин, подобрались поближе старички Бигли.

— Где-то я видел большие подсвечники, а, Эвелин, Мэри? Давайте их сюда. О свечах сейчас распоряжусь...

Сказал, обернулся — и вот: двери распахнуты, дым радостно выбегает в коридор, а в освещённом проёме стоят двое, дальше — ещё десяток, все с оружием, лица напряжены и внимательны.

— Свечей две связки, — сказал я им с затаённой признательностью, — и три человека. Оружие оставить, воевать сегодня не будем...

Через минуту мы в сопровождении троих матросов с зажженными семисвечными канделябрами двинулись по покрытой прыгающими тенями лестнице на второй этаж. Я сам ступал здесь впервые, поэтому подолгу возился возле каждой двери, подбирая к ней ключ.

Чуть тронутые остатками вечерней зари, заляпаные косматым мечущимся светом свечей голые стены гулких пустых помещений. Длинные коридоры, комнаты, комнаты, каморки. Две разорённые, ограбленные ванны с торчащими из стен обрезками свинцовых труб. Хлам и мусор в углах. Куски ломаной мебели. Запах кислой капусты, жареной рыбы и пыли. На третьем этаже — комнаты поменьше, на втором — побольше, и одна из них — громадная обеденная зала, перегороденная для чего-то тонкими, кривыми, не достающими потолков дощатыми стенами. Я разглядел, наклонившись, что прибиты они не к полу, а к лежащим на нём деревянным брускам. Кивнул Бэнсону. Почти не напрягаясь, он по очереди отнял их, вместе с брусками, от пола и составил, словно громадные игральные карты, у дальней стены.

Да, зала. Да, громадная. Ярдов восемьдесят или девяносто квадратных, в темноте не разберёшь. Отсюда начинали обход, сюда и вернулись. Всё. Наполненное звуком

гулких шагов и созерцанием пустых покинутых помещений путешествие завершилось.

— Том, а где жильцы?

— Мистер Том, а что вы купили? — одновременно спросили меня наши дамы.

— Вот это! — я широко раскинул руки в стороны.

— Что «это»? — озадаченно пискнула Алис, косясь на составленные Бэнсоном перегородки.

— Это! Вот всё э-то! — Не опуская рук, я повернулся вокруг себя; чуточку присев, подпрыгнул.

— О, Том, — изумлённо и тихо почти простонала Эвелин. — Ты купил весь дом?

— Весь, милая. С чердаком, двором и конюшней.

Ахнула моя невеста, с шумом выдохнули матросы, застонала и захлопала в ладоши Алис. Мистер Бигль воздел вверх руку в белой перчатке и покачал ею в знак восхищения. Алис снова увлекла всех в повторное путешествие, и все ушли, восторженно восклицая и капая воском на заваленный мусором пол. Мы двое остались в темноте. Эвелин подошла, подняла ко мне руки, прижалась, устроившись щекой на груди, и мы молча так простояли, стиснув друг друга, покачиваясь, пока не стали возвращаться ушедшие.

КЛАБАУТЕРМАНН

С утра я затеял и двинул вперёд громадное, тяжкое дело: решил перестроить и обновить весь дом. Не просто подкрасить потолки и стены, но и перестелить полы, заменить окна, двери, перебрать печные и каменные колонны, положить на крыше свежую черепицу. Ну и новая мебель, конечно.

Утром как раз приехал из порта Бариль. Я спросил его, сколько людей можно поставить на эти работы. Он

неторопливо посчитал, перечислил, а в самом конце добавил:

— И ещё, так уж и быть, пришлю с «Дуката» главного в таких делах.

— Это кто же такой? — заинтересовался я.

— Клабаутерманн, — понизив таинственно голос, ответил боцман.

— Не помню, чтобы был такой матрос на корабле, — с удивлением взглянул я на него.

— Это не матрос. Клабаутерманн — немец, и имя его, если переводить с того же немецкого, означает «конопатчик». Сам я его не видел, но те, кто видели, говорят, что он маленького роста, в красной рубахе, с короткой и пышной седой бородой. В руке — деревянный большой молоток.

— И он есть на нашем «Дукате»?

— Клабаутерманн есть на каждом корабле. Некоторые этого не знают, некоторые знают, но не верят, но когда в трюмах появляется течь, то вдруг раздаётся стук невидимого молотка — это Клабаутерманн спасает корабль. Тут уж не до гаданий — а бегом инструменты в руки — и за дело. А он ведёт матросов в тёмных трюмах, указывает стуком дорожку к пробойне.

— Так он что же, корабельный домовый?

— Вот-вот, или домовый корабельник. Уж там, где есть стружка и краска, — он незаменим.

— И как же ты его переправишь сюда с «Дуката»?

— Про то сам знаю, — уклончиво ответил Барильи, спросив позволения, удалился.

Двенадцать матросов, гремя башмаками, сновали над головой и на лестницах. Они выносили и сваливали во дворе мусор и деревянный хлам. А к обеду — очень своевременно — появился решившийся, но всё ещё дрожащий столяр.

— Та-ак, — встретил я его достаточно строгим тоном. — Значит, два года тратился лишь на аренду, а основной доход с мастерской — в свой карман?

— Верно говорите, мистер Том, правильно, — не стал, к моему удивлению, юлить мастер. — Себе брал денежки, так.

Он вытащил из-за пазухи тряпицу, развернул её — в ней оказались деньги — и присовокупил ещё какие-то бумаги.

— Вот здесь я посчитал, за вычетом моего положенного заработка, какой на мне долг, но сейчас могу вернуть только маленькую часть, сами видите, как всё внезапно...

— Ладно, об этом потом, — проговорил я вдруг севшим голосом. — Как умер старый плотник?

— Ему стало хуже сразу после вашего отъезда, мистер Том. Он и двух дней не протянул. А отошёл незаметно; ему кушать принесли — а он уже холодный. Я его в хорошем месте похоронил, место выкупил — не покупился.

— Ты похоронил?

— Я сам. Когда прикажете — отвезу на могилку-то. Хорошее место, сами увидите. Сосна сразу за ним, ядрёная, большая, так что ямку ровно между самых корней положили. Да. Вся-то жизнь сосну строгал да пилил, а срок пришёл — сам под сосной-то и лёг. Место дорогое, да как было скупиться-то, ведь всё остальное, считайте, бесплатно. Гробик сами сладили, с душой сделали гробик, из бука...

— Из бука?

— Да, нашлись в то время сухие обрезки, короткие. Старичок-то маленький стал, как ребёнок.

— Ладно, мастер, — тяжело вздохнул я. — Ты вот что. Ты денежки спрячь. Не возьму я у тебя денег. А долг твой взыщу работой.

— В чём работа? — радостно вскинулся столяр.

— Дом мне отделаешь. Чтобы всё новое — оконные рамы, двери, полы, подоконники. Ну и мебель, конечно. Это уже после обсудим.

— А материал, дерево?

— Материал будет.

— А что моя должность...

— Место остаётся за тобой, и то же жалованье. Удовольствуешься?

— Чего уж там, мистер Том, и мечтать не мог!

Чуть не бегом он отправился в подвал, в мастерскую, а я двинулся, прислушиваясь к своему голодно урчащему животу, на задний двор, к Мэри, предполагая наскоро стащить что-нибудь с плиты. Навстречу мне топала вереница матросов. Они несли наверх ведра с известью и песком, мел, сито. Значит, уже оба этажа вычистили! Ты, оказывается, молодец, Клабаутерманн. Трудяга.

Но этот невидимый хлопотун успевал, как оказалось, поворачиваться и на корабле! Я убедился в этом, приехав назавтра в порт. «Дукат» скрипел и стонал от переделок, устроенных Барилем и Стоуном. Усиливался и без того надёжный крепёж, швы проливались смесью смолы и серы, смолилась также каболка и пересмаливались ново купленные только что канаты и фалы. Радуюсь встрече с добрым, надёжным, трёхмачтовым другом, приятно взволнованный, я принялся шнырять и совать нос во все углы. Стоун с мостика двинулся было ко мне, но я махнул ему рукой: потом, потом!..

В большом камбузе установлена вторая печь, и в ней — второй котёл, всё как я указал. Стоун попыхтел было — кирпичная печь — лишняя тяжесть, ровно на столько же будет недобор товара, но я остался непреклонен. Ведь воду в плавании берегут чрезвычайно, и котёл после жирного не моют, так что компот или чай выходят таковы, что человек непривычный и глоточка не выпьет. Теперь — не так. Второй котёл будет неизменно чист. И матросы станут питаться как на земле, и воду для раненых можно согреть, если они появятся. Маленький, офицерский камбуз — тоже с изменением: в его стене проделана дверца в продуктовый трюм. Не будет на «Дукате» ни провиант-

мейстера, ни бачковых, ни баталера*. Всем этим может и должен заведовать один человек: непосредственно кок. Тогда не станет склок и раздоров среди кормящейся братии и не будут толкаться в камбузе бачковые, приготовляя пудинг каждый для своей вахты. И за продукты будут отвечать не три человека, кивающие друг на друга, а один.

Я вздохнул. Где его взять, такого, чтобы и повар был умелый, и человек чистоплотный и честный. Ни один толковый матрос на эту «женскую» работу не пойдёт: застыдится. Поэтому обычно и царствуют в камбузах людишки легковесные, из тех, что обжираются за счёт команды и подкармливают любимчиков. Не зря у морского люда на их счёт сложились обидные прозвища: «камбузный жеребец», «тухлый король», «сальная пакля». Хороший кок — чудо редкое. А уж как нужен! Ведь Мэри на корабле больше не будет, кому доверить камбуз? Задача.

Снова вздохнув, я отправился дальше. Очень меня интересовало спальное помещение для команды. Всё ли там так, как я велел? На деле оказалось даже лучше. Расширенное за счёт второй, нижней, пушечной палубы помещение (Стоун заламывал руки и поднимал к небу глаза — но молчал) разделено на левую и правую стороны. Два длинных ряда спальных чуланчиков, словно пчелиные соты. Я зашёл в один. Узенький, — ярда на три, — коридор. По правую руку в нём — деревянная кровать, привинченная к стене, за которой — коридор следующей каютки. Под кроватью достаточно места для сундуков и обуви, в стене — крючки для одежды. Я никогда

---

* Команда на корабле делится на вахты, в каждой из которых один матрос назначается ответственным за бачок, в котором готовит для вахтенных что-нибудь кроме основной, камбузной еды: компот или пудинг. Вот он и есть бачковой. Баталёр — матрос, отвечающий за воду. Провиантмейстер — заготовщик всех прочих запасов.

не был матросом, мне не приходилось спать, отстояв очередь на единственные нары, вмещающие восемь человек, на которые укладывалось тем не менее двенадцать, и все двенадцать сдвигались так плотно, что поворачивались одновременно, по команде. Да, я не матрос, но я человек, и знаю, что на такой вот кровати, а не на болтающемся с дикими взлётами и рывками гамаке, можно действительно отдохнуть и набраться сил для следующей вахты. Да и места занято не так уж много. Двадцать одиночных каюток слева, двадцать справа. Да двадцать матросов на вахте — можно смело брать шестьдесят человек команды. А пушечные портики, если поднять их створки, дадут сколько угодно свежего воздуха. Вот так. Здоровый матрос — это надёжный корабль и удачное плавание.

Всё покрашено. Всё чисто. Пахнет воском и скипидаром. Молодец, Стоун. Очень хорошо. Теперь посмотреть, как установлены новые баки для воды — стальные, прямоугольные — вместо круглых деревянных. Расходов много, да зато жить веселей: в деревянных ёмкостях вода уже через пару недель становится вонючей и вязкой. В стальных — совсем не то. Они занимают меньше места при большем объёме, дольше держат воду свежей, к тому же в каждый бак я приказал поставить по пластине чистого серебра. Известно ведь, и давно известно, что серебро сохраняет воду свежей сколь угодно долго. Недаром в древности выше всякой другой посуды ценились кувшины, в дно которых мастер-гончар заделывал серебряную монету. Так что уж тут скупиться! Главное, чтобы о серебре в питьевых баках никому не стало известно. Всего двое знают о нём — транжира Томас Лей да капитан «Дуката» Энди Стоун. Хотя нет, есть ещё третий, но он-то уж точно никому не выдаст: надёжный маленький человечек, добрый старый Клабаутерманн.

ЛЕОНАРД

Поднявшись на палубу, я немного поговорил с Энди.
— Баки хорошо проклёпаны? — спросил я его.
— До сих пор нигде не просочилось ни капли.

— Так они что же, залиты водой?

— Уже два дня. Перед отплытием, если понадобится, поменяем воду на свежую.

— Пластины стоят?

— Конечно. Сам ставил, пред тем, как наполнить. Ночью возился, при свече. Никто не видел.

— Хорошо. Как Бариль? Справляется?

— Как боцман — незаменим. Мне с ним легко.

— Радостно слышать. Сколько матросов на борту?

— Чип, парусный мастер, я сам, смена из трёх часовых возле крьюит-камеры...

— Она уже заполнена порохом? — перебил я его.

— До верха. Оллиройс нашёл порох высокого качества и недорогой. Сам следил за погрузкой. Дверь замкнул, один ключ отдал мне, второй повесил на шею рядом с крестиком.

— Сейчас-то он где?

— Завёл с кем-то знакомство в оружейной палате адмиралтейства, не скупясь, поит и угощает. Говорит, подобрался к чему-то очень нужному, какой-то новый вид пушек. Рассчитывает добыть один комплект для «Дуката».

— Хорошо, ладно. Оллиройс, надеюсь, знает, что делает.

— Так вот, шесть человек на борту постоянно, да дюжина сменных. Тех, что заняты корабельной работой.

— На смену, как обычно, приходится из трактиров вытаскивать?

Стоун многозначительно посмотрел на меня и с явным удовольствием сказал:

— Каждый второй день, за час до смены, на берегу выстраивается до двадцати человек, хотя шлюпку я посылаю за двенадцатью. Смена отплывает к кораблю, остальные с завистью смотрят им вслед, вздыхают, потом медленно расходятся.

— Сами рвутся сюда? Отчего ж такие чудеса? — Я недоверчиво посмотрел на него.

В ответ Энди тронул меня за рукав, кивнул приглашающее и повёл к носу «Дуката», на бак. Остановился чуть в стороне от фок-мачты и показал взглядом. За мачтой, привалившись спиной к её необъятному стволу, сидел парусный мастер и проворно метал иглой. Ноги его и вся палуба вокруг были залиты огненно-красным озером: искристыми волнами текли, пламенели куски и полосы красного шёлка.

— Шёлк, мистер Том, — тихо пояснил капитан, — который вы распорядились отдать команде после абордажа у Чагоса, идёт на рубахи. Особенно ценятся те места, которые пробиты пулями или покрыты пороховой копотью. Во всех тавернах, на всех рынках Бристоля сейчас самый дорогой предмет — такая вот рубаха. Теперь это отличительный знак матроса с «Дуката», предмет зависти и торга. Никто из команды, конечно, свою рубаху не продаст, но двое-трое, объединив обрезки, относят их к парусному мастеру, тот выкраивает из них лишнюю рубаху, и вот её-то и продают. Повторяю, деньги дают безумные. Кое-кто в подражание шьёт похожую из красной материи, но такого шёлка, мистер Том, который вы взяли в Мадрасе, здесь нет и не было. Поэтому подделку сразу распознают и осмеивают. И ещё. К каждому, на ком сейчас наша рубаха, пристаёт и что-то нашёптывает разный морской люд. Все мечтают попасть в команду «Дуката».

Мы тихо отошли.

— Я делаю вид, — доверительно сказал Энди, — будто не замечаю, чем он там занят, это ничего, мистер Том?

— Это вполне разумно, капитан. Это правильно. Хорошая ведь возможность — из всех желающих попасть в команду выбрать самых толковых. Жалею теперь, что не догадался оставить для себя кусок такого шёлка.

— Об этом не беспокойтесь, мистер Том, — многозначительно взглянув на меня, ответил Стоун.

Мы расстались. Я спустился в шлюпку и, задумавшись об Оллиройсовых пушках, не заметил, как шлюпка подошла к пристани.

Здесь стоял запыхавшийся, почему-то тепло одетый Бэнсон. Лицо его было покрыто крупными каплями пота. Я отослал шлюпку назад, посмотрел на него с удивлением, спросил:

— Где был? Откуда спешишь, что так взмок?

— У оружейника был, — тяжело дыша, сказал он. — Заказ мой выполнен...

— Какой заказ?

Он внимательно глянул влево-вправо, придвинулся на шаг, распахнул плащ и толстую матросскую куртку. Грудь его, от ключиц до пояса, закрывал мягкий коричневый кожаный пласт. На нём в искусно вделанных металлических кольцах и полускобах покоились странного вида пистолеты. Два ряда. Четыре слева, четыре справа. Стволы чуть вниз, сходятся к середине груди. Мерцают, отсвечивают блестящим чёрным лаком маленькие лёгкие рукояти. Бэнсон был похож на громадного жука с членистым хитиновым брюхом.

— Собрался на войну? — уважительно спросил я его.

Он кивнул, тут же отрицательно качнул головой, смешался и покраснел.

— С вами теперь буду, — глядя на меня в упор, непреклонно заявил он.

— Личный охранник, что ли? А для чего?

— Мадрас, — произнёс Бэнсон и взгляд его стал холодным и колким.

— Носорог, — зябко поёжившись, сказал я. — Не будем вспоминать о страшном. Дай-ка лучше взглянуть.

Он ловко выхватил из держалок и протянул мне пистолет. Вот так уродец! Очень короткий и толстый ствол, под мушкетную пулю. Маленькая рукоять вся скрывается в ладони. Никакого противовеса, никакого прицельного приспособления — оружие явно для ближнего боя. Предельно уменьшенный гладкий курок накрывает тускло поблёскивающий красным медный капсюль.

— Наш оружейник делал? — спросил я, возвращая пистолет. — Как успел так быстро?

— День и ночь делал, — с гордостью ответил Бэнсон, — все прочие заказы отставил. Я рассказал ему, что это для вас.

— Про Мадрас рассказал?

— Первым делом.

— Ну хорошо. Пусть будет.

Мы зашагали по пристани.

— Поесть не мешало бы, — сообщил я. — Ты как?

Он молча кивнул, и мы зашли в ближайшую таверну.

Здесь произошло непредвиденное. Едва мы вошли внутрь, как вдруг сидящий за одним из столов человек в красном вскочил и вытянулся. Мгновение все смотрели на него и на нас, затем в глубине помещения вскочили и замерли ещё двое.

«Мои, с «Дуката», — понял я, с усилием подгоняя зрение со света на полумрак. По таверне прошёл рокот. Что ж, надо что-то делать.

— Томас Локк приветствует своих матросов и всех работников синей пашни! — негромко, но весомо произнёс я.

За столами завскакивали, раздались приветственные восклицания, кое-кто, шатаясь, полез ко мне с бутылкой и кружкой. Бэнсон качнулся вперёд, развёл руки в стороны, и после этого жеста народец прилепился к стене, а я прошёл дальше, туда, где для нас уже проворно

освобождали стол. Мы сели вдвоём. Трое в красных рубахах стояли рядом, без приглашения не садились. Появились на столе две чистые кружки, в них налили вина.

— Не обойдите матросского угощения, мистер Локк, — сказали рядом.

— Слава Богу, будем добры и здоровы, — ответил я, с благодарственным выражением лица поднимая кружку.

Но выпить ещё долго не мог, потому, что сначала мои матросы, а затем и все, кто был в таверне, потянулись стукнуться своими кружками с моей поднятой, а затем — так же уважительно — с кружкой Бэнсона.

— Вы пейте, мистер Локк, — снова произнёс тот же голос, — а покушать ещё не скоро будет.

— Хозяин таверны пришёл, так повар с ним ругается. За стеной, слышите?

— Кто же смеет ругаться с хозяином?

— Кто-кто, а Леонард посмеет. Бродяга, без документов, а повар отменный. Хозяин ухватился за него, заставляет работать лишь за еду да крышу над головой. Он ничего, работает, но когда хозяин заставляет его ловчить — умрёт, а на своём настоит.

— И правильно, — добавили ему, — Леонард нас всегда по-человечески кормит, не ловчит и не подличает. Хозяин это считает разорительным, хотя с тех пор, как взял нового повара, — едоков здесь утроилось. А станут готовить так же скверно, как прежде — мы отсюда уйдём.

— Это — да! — горячо подхватил кто-то. — Солонины с червями мы в море накушались, так хоть на берегу брюхо побаловать!

Это я услышал уже за спиной, потому что встал и направился в поварской придел, и дальше — к темневшей в глубине его двери, из-за которой слышны были громкие голоса. Я уже поднял было руку, чтобы толкнуть дверь, но остановился и вслушался.

— Я пота́ж готовить не буду, — раскатывался твёрдый, басовитый голос.

— В море пойдёшь! В море пойдёшь! — визгливо, с ненавистью ответствовали ему. — В порту здесь всем скажу, что выгнал повара гадкого и нахального, здесь тебя к котлу никто не подпустит! Камбузным жеребцом пойдёшь плавать, сальной паклей!

— Пота́ж готовить не буду, — упрямо повторил бас.

Я опустил руку, вернулся. Подозвал одного из матросов, спросил:

— Что такое пота́ж?

— Свинячье пойло, мистер Том, — ответил он мне. — Берутся очистки, объедки, обглоданные кости, рыбы головы, всё это копится несколько дней, потом запускается в котёл и готовится суп. Вот он-то пота́жем и величается.

«Вот значит, как», — подумал я, а вслух сказал:

— Леонард этот действительно хороший повар?

— Такого здесь не было никогда, мистер Локк.

— Давно он здесь?

— Скоро полгода.

— Откуда он?

— Издалека, из-за Дуная. Наверное, дальше Франции.

— Да нет, — поправили его. — из Запорожья он, с турками воевал. Что-то тянется за ним, вроде верёвочки вздёрнутой. Бежал вот аж до Англии.

Теперь я уже решительно прошёл к двери, распахнул её и шагнул внутрь. Мельком взглянул на хозяина. Неопрятный и рыхлый. Обычная портовая крыса. Обратился к высокому, крепкому парню моих, наверное, лет, с длинными, чёрными, свисающими усами и бритой налысо головой:

— Ты Леонард?

— Я — Леонард, — развернувшись, с достоинством ответил он и прибавил: — Сэр.

— Я — Томас Локк Лей, если тебе это что-нибудь говорит.

— Ничего не говорит, сэра.

— Ну до времени и нужды нет. Ты покорми нас, Леонард, в последний раз. Так, чтобы сытно и дорого. Двое нас, — добавил я, выходя из затхлого помещения.

Через несколько минут он приблизился к нашему столу, притащив поднос с хорошими закусками. Взглянул на массивную фигуру Бэнсона, притащил ещё раз. Уставил стол. Сытно, обильно. По моей просьбе достал хорошего пива и принёс ещё одну кружку.

— Садись, — кивнул я ему на свободное место.

Он с достоинством сел. Открыто, по-мужски взял кусок ветчины, хлеб. Налил всем пива. Молча выпили, молча принялись жевать.

— Ты из какого народа, Леонард? — утолив первый голод, спросил я его.

— Запорожский казак, — неохотно, но честно сказал он.

— Английский откуда знаешь?

— Был коком на английском судне, два года.

— Поварскому делу где обучался?

— Нигде. От рождения желание и способность имею.

Кашеварил в курене*, хотя и был весьма молод.

— Есть от чего бегать по свету?

— Есть. Офицера убил. До смерти.

— Было за что?

— Значит, было. — Лицо его сделалось вдруг недобрым.

— Ну и ладно. Ты не опасайся, мне говорить можно. А Леонард — ведь не совсем твоё имя? Мама-то тебя как звала?

---

* Курень — военный отряд у казаков-москвитов.

— Левко.

Мы помолчали, занятые едой. Вдруг он спросил:

— А почему вы в последний раз кушаете?

— Не мы кушаем, Леонард. Это ты в последний раз здесь кормишь...

— Что это? Как это? — раздался вдруг визгливый, негодующий голос: хозяин подобрался к денежным гостям, да словечко услышал.

— Ты почему до сих пор не ушёл от этого господина? — не обращая внимания на хозяина, спросил я.

— Он мне деньги должен! — завопил человек. — Почти фунт! Он без документов, я его от полиции выручал! Пусть обрабатывает!

Леонард сник, опустил голову:

— Да, должен. Надо отработать...

— Нашёл бы хорошего купца, — послышался голос со стороны кучки матросов, — да и сел на корабль. Где бы он искал тебя с этим фунтом?

— Как это? — Леонард вскинул голову. — А совесть? Остаток жизни воров прожить?

— Так, хорошо, — я отодвинул от себя опустевшее блюдо. — Сбежать не можешь. Ну а принять помощь от доброго человека можешь?

Я достал и выложил на стол стоимость обеда и отдельно — ещё фунт.

— Вот уж не-ет! — снова влез хозяин. — Ваши деньги мне не нужны. Пока он должен — будет работать...

Бэнсон подцепил его локоть, подтянул к себе, сказал тихо:

— Тебя, думаешь, кто-то спрашивать станет?

Сгрёб монеты со стола, сунул их зануде в карман и легко оттолкнул.

— Да что же это! — зашипел тот, отскочив. — Полицию сюда! Где констебль?

Он было бросился к двери, но там его перехватили

и шепнули что-то на ушко. Он встал, помотал головой, на дряблое лицо его полезла сладенькая улыбка.

— Где твои вещи? — спросил я Леонарда, вставая из-за стола.

— Кроме того, что на мне — ничего нет.

— Ну тем лучше. Идём.

Мы прошли мимо лучащегося счастьем хозяина, поспешно заворачивающего себя в широкий поварской фартук. Едва вышли за дверь, как он высунулся в окно и завопил на всю улицу:

— Эй, портовый люд, у кого голод, у кого жажда! Все сюда! У меня сегодня обедал Томас Локк, капитан «Дуката»!

— Вернёмся в гавань, — сказал я Бэнсону.

— «Дукат» — это что? — спросил Леонард. — Кажется, такая монета?

— Нет, это мой корабль. Новый, трёхмачтовый. Да сейчас придём — сам увидишь. Пойдёт с грузом в Индию и обратно. Порядки на нём — правильные. Матросов не бьют, потажем не кормят. Содержание человеческое. Одна беда — кока нет. Вернее, не было. Так что для нас обоих сегодня — счастливый день.

Леонард дёрнул себя за ус, потёр колючую голову, недоверчиво улыбнулся.

— Что касается камбузного хозяйства, — продолжил я, — камбузов два. Большой, с двумя печами и, соответственно, двумя котлами — для команды. Маленький — офицерский. За ними — продовольственный склад. Всё камбузное оборудование и весь провиант — под началом одного лишь корабельного повара. Никто больше в эти помещения не входит. Да, и ещё — туда же выведен кран от баков с водой. А вот и «Дукат»! — воскликнул я, когда мы приблизились к краю пристани.

— Какой из них? — С детским почти любопытством, во все глаза Леонард рассматривал стоящие на рейде корабли.

— Вон от которого шлюпка отчаливает. Видишь? К нам идут.

— К нам? Откуда узнали-то?

— Марсовый всё время смотрит. Несомненно, нас ещё на подходе увидел.

— Неужели каждый раз так? И никакого сигнала подавать не нужно?

— Да, так каждый раз. У меня хорошая команда. Сейчас тебя отвезут на борт. Там есть мистер Стоун. Это мой капитан. Скажи, что ты кок, послан Томом. Он даст тебе ключи от склада и камбуза. Всё осмотри, подсчитай и сам делай закупки. Стоун даст тебе деньги. Но то, что покупают для матросов на другие корабли — ты не бери. Мне не нужно мясо за пенс, но с червями. Если решишь, что работы для тебя много и тебе нужен провиантмейстер или баталер — сам подбери человека.

Подошла шлюпка. Наш новый кок хотел было уже спрыгнуть, но вдруг повернулся к Бэнсону и очень серьёзно сказал:

— Ты до странного сильный человек. Такие встречаются редко.

После этого он спрыгнул, шлюпка отошла, развернулась.

— Я — Бэнсон, — сказал сверху Носорог.

— А я — Леонард.

Как будто эти два непростых человека пожали друг другу руки.

РОГАТОЕ ЧУДИЩЕ

Пришёл день, когда я вдруг почувствовал, что громадное колесо дел и забот достаточно раскручено и может какое-то время катиться без меня. Теперь можно было отправиться в некое памятное место,

которое так звало и манило меня. Место, где в могучем, с толстыми стенами строении пылал багровый огонь, волнующий и прекрасный. Где были бочка с рыжей водой, клещи, молоты, наковальня. Мечта вновь увидеть всё это тем более полно охватила меня, что устроилось последнее заботившее меня дельце.

Однажды вечером, войдя в дом, я не услышал за дверью салона привычного пчелиного гуда. Странно, но там стояла тишина. Как будто берсерки и гунны куда-то удалились, все разом. Я приоткрыл дверь. Нет, все здесь, и даже больше обычного! Молча мои матросы сидели и стояли в несколько кругов вокруг небольшой оттоманки, а на ней, поджав под себя одну ногу, сидел именованый остров Локк и что-то рассказывал голосом слабым, но ровным.

Шло время, я стоял вместе со всеми и внимательно слушал.

— Так заканчивается история Максрэтхауцеров*, таинственных и ужасных, — произнёс наконец Генри.

Разом разбив тишину, матросы стали восклицать и хлопать в ладоши, а я, протиснувшись к оттоманке, крепко обнял своего драгоценного любителя книг.

На следующий день мы собрались в комнатке с подоконником: Нох, назначенный мной казначеем и хранивший здесь все наши деловые и торговые бумаги, два прежние владельца её — я и Генри, и, конечно же, близнецы. Мальчишки с жаром рассказывали, сколько постоялых дворов и книжных лавок они оббегали в славном городе Бристоле, и как выволокли, наконец, из одного книжного чуланчика недоумевающего, худого и бледного Генри.

---

* Подробно История Максрэтхауцеров будет изложена в шестой книге эпопеи Тома Шервуда — «Люди солнца».

Им-то я и поручил встретиться с кузнецом и подготовить визит. Вскочив на лошадей, Эдд и Корвин умчались. Они отвезли сообщение, сколько будет гостей, а кузнец определил день и время. И мы поехали.

Кузня и вся небольшая усадьба его (с огромной — чтобы издалека было видно — подковой над воротами) находились шагах в ста от проезжего тракта, и он прошёл эти сто шагов и встречал нас, стоя прямо посреди большой дороги. Сверху, с седла своей лошади, я увидел сначала точку вдаль, а потом и неподвижную человеческую фигуру, и вот уже он сам. Стоит неподвижно, чуть расставив босые ноги на подстывшей осенней земле, заложив лопаты ладоней за кожаный опоясок фартука. Тот же тяжкий взгляд из-под диких кельтских бровей, опалённая вокруг борода, гранитная глыба груди. Он прошёл — к назначенному времени — эти сто шагов, выказав тем самым предельное, какое только возможно, уважение. Возраст мой позволял уже понимать такие вещи. Ярдов за двадцать я остановил лошадь, передал поводья Бэнсону и пошёл пешком.

Мы обнялись. Постояли молча, понимая, что нелёгкое братство наковальни и молота превращают год совместной работы в целую жизнь. Так же, не произнося слов, повернулись и пошли по узкому срединному накату колеи к дому и кузне. Шли, то и дело подбивая друг друга плечом, а за нашими спинами шагали тоже спешившиеся Бэнсон и Нох.

Ничего не изменилось на кузнечном дворе. Тот же скупой и выверенный порядок вещей. Всё отлаженное, надёжное, прочное. Вилы, коса, лопата — стоят у стены, вытянув вверх толстые гладкие черенки. Длинная кованная скоба с округлым рядком нанизанных на неё подков. Угольный ларь. Забор. Ворота. Посреди утоптанного до каменной твёрдости двора — та самая колода, спил ствола исполинского дуба. Пиво, окорок, соленья,

зелень, сушёная рыба, ломти чёрного хлеба с втёртой в мякоть крупной сероватой солью, грибы, варёные яйца, различной толщины и цвета округлые цепи домашних колбас. Четыре бочонка вместо стульев. На одном из них — широкий, как лопата, недлинный окороковый нож. Тот самый. Ну что, старый знакомый. Здравствуй. Будет тебе сегодня над чем поработать.

Кузнец привязал лошадей, навесил им торбы с овсом, взял ковш, полил гостям на руки воды из бочки и лишь после этого широким жестом махнул в сторону колоды. Чинно, не торопясь, расселись. Помолчали. Сидели, меняясь спокойными, вескими взглядами. Но вот кузнец перевёл взгляд на бочонок, глухо кашлянул, протянул руки. С шипением метнулось пиво в пузатые кружки. Вспухла и зашлёпала оземь белоснежная пена. Хорошее пиво, дорогое.

И вот разобрали кружки. Нох неосторожно сунул остренький нос в рассерженную пену, дёрнулся личиком в сторону и чихнул. Бэнсон расправил плечи и одним долгим движением заглотнул все две пинты. Не переводя дух, молодецки. Мы с кузнецом переглянулись, пряча улыбки: новички! Помедлили, склонившись, втянули сквозь пену по глотку — холодному, колючему, терпкому. Покатали во рту, осознавая крепость и вкус. И — разом, не торопясь, ровно до половины. Притаилось дыхание. Слёзка выступила. Хорошо!

Бэнсон потянулся было к колбасам, но я перехватил его руку и вложил в неё зубчик маринованного чеснока, хрусткий капустный солёный листок и картофелину — горячую, с солью. Он сложил всё это в рот, старательно разжевал — и вдруг расплылся в улыбке: как вкусно!

— Вот, а теперь уже — колбасу, — сказал я со знанием дела, — но лучше сначала окорок. Пока вкус не заглушён солёным и острым.

Двигались челюсти, кланялся нож, таял окорок. Сыпалась яичная скорлупа, пищала раздираемая капуста — крепкая, мокрая; звонко лопались оболочки колбас. Душистым травяным запахом пропитывали пальцы солёные, по осенней поре, грибы. Источали смешанный аромат уксус и масло.

— Ну вот, мастер, — сказал я, когда пришла первая усталость. — Вот это, если идти по старшинству, человек по имени Нох.

Не осиливший ещё и половины кружки, но уже пьяненький старичок привстал, важно склонил голову с тремя клоками белых волос — два над ушами, один над теменем.

— Мы плыли вместе два года назад, — продолжил я, — потом вместе тонули, спасались, воевали, жгли уголь, ловили акул, пели и стреляли в пиратов. Теперь вместе торгуем. Он охотник, умелец по всяким капканам и ловушкам (кузнец уважительно кивнул) — смельчак, умница и мой казначей. Так. Ну а этот молчаливый громила — Бэнсон. Когда-то был толстым малоопытным матросом, потом изображал носорога и в него стреляли из детских луков. Потом он нырял со мной на дно океана и поднимал оттуда затопленные пушки — и с тех пор всё время рядом. Однажды в Индии, в порту, ночью мы попали в засаду. Нас было семеро заурядных работников моря. Противника — девять тренированных головорезов. Тогда Бэнсон, имея в руке лишь матросский сундучок, пробился сквозь их первый ряд и держал двоих фехтовальщиков семь или восемь минут, Бэн, покажи руку.

Носорог коротким движением выставил перед собой страшные шрамы. Кузнец изумлённо покачал головой, запустил пятерню в бороду. Сказал непонятно:

— Ладно, попробуем.

Не поясняя, что имелось в виду, наполнил всем кружки. Теперь пили уже не спеша, вприхлёб, отдавая законные почести грибам и колбасам.

Прошло полчаса. Опустели и эти кружки. Кузнец встал, навис над колодой, снова сказал непонятное «попробуем» и ушёл в дом. Из дома он вынес к нам большой треугольный футляр. «Морёный дуб» — определил я. — «Шпильки, клей, металлические уголки». Что в нём может лежать? По форме — как чехол для парадной адмиральской треуголки, но явно побольше.

Кузнец положил футляр на пустой бочонок, отщёлкнул замочки, откинул верх. Внутри лежало — я сначала не понял, что это такое — роговатое чудище. Длинное узкое тело, металлическое с деревом. На одном конце, поперёк — стальная дуга. Обуженные концы слегка оттянуты назад и соединены витой стальной ниткой толщиной с подковочный гвоздь. Спереди из-под дуги торчала скоба, очень похожая на стремя. Сопредельное с чудищем внутреннее пространство чехла занято углублениями, в которых покоились, поблёскивая, многочисленные и самой причудливой формы накладки, надставки, тяжёлые ключи и прочая мудрёная оснастка.

Кузнец, напрягая руку, потянул, и чудище полезло из чехла. Миг — и нашим глазам явился мощный боевой арбалет. Даже в громадных руках кузнеца он оставался собой — крупным, тяжёлым зверем. Кузнец между тем достал из футляра и присоединил к арбалету плечевой упор, прицельную раму, шестигранный ключ с длинной, кованной в виде волны рукоятью. Ключ щёлкнул в гнезде, ладонь повела, вращая, рукоять, и медленно поползла тетива, оттягивая назад концы длинной дуги. Доползла, гудя от напряжения, к защёлке, прошла над ней и, утопив пружину, встала. Выскочила из своего гнезда защёлка, преградила стальной нити путь назад. Рычаг крутнулся обратно. Тетива легла и вдавилась в стопор. Кузнец, с шумом выдохнув, поднял взведённый арбалет и отставил его в сторону, а в воздухе в это время прокатился ветерок — слабый, едва ощутимый, но на своём

пути он столкнулся с этой растянутой рамой, и до моих ушей вдруг долетело шмелиное басовитое гуденье. Мурашки побежали по коже, как только я представил чудовищность напряжения, затаившегося в арбалете.

Кузнец прошёл в дальний угол двора, поднял и поставил в ряд четыре широкие деревянные плахи толщиной почти в фут каждая. Вернулся, поднял арбалет, положил в глубокий и узкий канал тяжёлый металлический болт. Именно болт, а не стрелу: толстый, короткий, с остриём впереди и тремя шёлковыми перьями сзади. Положил, вскинул арбалет, секунду помедлил и нажал на скобу. Зверь гукнул, дёрнулся, и одновременно с этим от дальнего края двора до нас долетел звук слитого в один тройного удара. Три ближние к нам плахи падали — но не вперёд, а в стороны, разваливаясь на две половины. Мы разом бросились к ним. Да, это впечатляет. Не всякий мушкет пробил бы пулей эти деревянные туши. А болт — вот он, торчит из четвёртой плахи, наполовину погрузившись в неё.

— Три пробивает всегда, — сообщил кузнец, — четвёртую — редко.

Он попробовал было вытащить болт, но тут же махнул рукой, отвернулся и стал устанавливать новые плахи взамен расколотых. Мы поняли, что событие на этом не заканчивается, и вернулись к столу.

— Попробуй-ка, Бэнсон, — проговорил кузнец, — такую вот штуку.

Он повернул арбалет к земле, вдел носок ноги в скобу (да, всё-таки стремя), взялся, подложив кусок кожи, пальцами за тетиву, и потянул. Потянул, напрягся всем телом. Побагровело лицо. Задрожали бугры под кожей рук, скрипнули зубы... Тетива дошла до середины защёлки... Ахнул кузнец, уступил, отпустил руки вниз, за тетивой вслед. Поднял красное лицо, вздохнул, как всхлипнул.

— Владелец этого инструмента умер, — хрипло, не успев отдышаться, сказал он. — Мне оставил его на хранение. До известной поры. Попробуешь? — добавил он, обернувшись к Бэнсону.

Носорог подошёл, смущённо улыбаясь, потёр лоб ладонью, взял арбалет в руки. Кузнец сам повернул его к земле, помог вдеть носок ноги в «стремя», положил под тетиву клочок кожи. Бэнсон присел, выдохнул, потянул тетиву к себе... На середине защёлки замер... — и отпустил руки. Скрипнула, ослабевающая, надменная тетива. Шумно выдохнул кузнец.

— А можно я, — проговорил вдруг Бэнсон, — ногу поменять. Я левша, мне с левой стороны удобнее.

— Конечно попробуй, — кивнул кузнец. — Я ведь не знал, что тебе с левой ноги легче.

Бэнсон посерьёзней, переменял ногу. Присел, выдохнул. Взаялся за тетиву — и одним плавным движением вытянул её за защёлку, так что она, мне показалось, даже взяла чуточку лишнего.

— А-а-а! — ликующе завопил пьяненький Нох. — О-о-о!

Кузнец, диковато улыбаясь, сел на бочонок. Бэнсон подошёл, протянул ему взведённый арбалет. Но кузнец не взял его, а, глядя в сторону, проговорил:

— За последние лет десять проезжали тут несколько сильных на вид людей. Никто из них натянуть тетиву руками не смог. А владелец оставил наказ — отдать арбалет тому, кто сможет. Теперь он твой.

Потом встал, вынул из футляра ещё один болт, протянул Бэнсону. Тот взял это болт, положил в жёлоб. Приник щекой к плечевому упору, замер и выстрелил. С треском расселись передние три плахи, покачнулась и медленно поникла треснувшая четвёртая.

— Надо же, — проговорил кузнец, — в самую середину положил. Признал тебя инструмент.

Он взял топор, сходил к плахам, принёс оба болта, подправил их острия напильником, бережно уложил в гнезда футляра. Спросил Бэнсона:

— Тебе двадцать-то есть?

Тот кивнул.

— Какого народа?

— Шотландец.

(Я был горд за него.)

— Мальчишка-шотландец, — криво улыбнулся кузнец. — Пришёл и забрал. А я так привык к нему.

Посмотрел в сторону раскрытого футляра, вздохнул. Махнул рукой, повернулся к столу. Спросил:

— А сколько там ещё пива в бочонке?

Спросил, на мой взгляд, для того лишь, чтобы хоть что-то сказать. Потому что уж в пиве-то у нас недостатка не было.

ГЛАВА II ПРИЗРАКИ ПСОВ

Да, страшные псы продолжали свой бег. Мерно вздымались и опадали призрачные тяжёлые лапы — невесомо и медленно. Очень медленно — по меркам нашего человеческого времени, но ужасная сила их была не в скорости, нет, а в том достаточно известном проявлении Судьбы, имя которому — неотвратимость. Я был обречён.

УПРЯМЫЙ МЕРТВЕЦ

Умирающий теперь всё время был в сознании. Лишь ночью, да в некоторые часы дневного забываться слух и зрение уходили от него. Ни словом, ни жестом не выдавал он своего присутствия. Ему мучительно хотелось перевернуться, уменьшить злую боль в измученном теле, но он заставлял себя лежать неподвижно. Не открывая глаз, лежал и терпел. И внимательно слушал неопасливые разговоры.

Однажды ночью пришёл миг, когда он начал возвращать себе силы. Вечером он на слух довольно точно определил количество выпитого пиратами рома и, оценив силу и глубину носового посвиста и храпа, решился на маленький подвиг. Медленно-медленно он перетащил и положил левую ногу поверх правой и так же медленно вытянул через грудь левую руку. Потом одним долгим томительным движением перекатился на правый бок. Боль хлесткой волной пронеслась по всему телу, сдавила глаза, прощёлкнула по суставам. Человек обильно и вязко вспотел. Но сознание удержал, не провалился в давящую ватную муть и, стиснув зубы, завершил подвиг: спихнул ноги с лежанки, упёрся локтем и сел. Посидел, дрожа от напряжения, полминутки и перетащил себя обратно — лёг на спину, лицом вверх. Полежал, окатываясь потом, и вдруг медленно, широко улыбнулся. В мерцающем лунном ночном полумраке блеснул и истаял злоеший оскал.

Бык и Тонна тихо и мирно коротали время. А человек в одну из ночей встал и вышел из хижины. После маленькой трудной прогулки он лежал и снова, невидимый в темноте, улыбался. Днём же он по-прежнему не открывал глаз, медленно глотал вливаемые в него бульон и подслащённую воду.

Когда Бык и Тонна, прикончив запасы, отправились к Мадагаскарским торговцам на своей старенькой

шлюпке, человек устроил себе праздник. Голый, костлявый, с косматыми, завшивевшими волосами и бородой, он спустился, дрожа от слабости, к подножию островка, сполз в тёплую морскую воду и блаженно вытянулся. Подняться наверх ему уже не хватило сил, и он заночевал здесь же, на берегу.

Ещё через неделю, когда друзья вновь убрались с острова, их пациент взялся за дело по-настоящему. К тому времени он знал уже все их нехитрые тайны. Немного поработав лопатой и заступом, он выволок на свет и притащил к хижине два больших сундука. Сбив замки, он вывалил в общую кучу содержимое. Отбросив в сторону одежду и разные, более или менее ценные безделушки, он отделил оружие. Выбрал самый, на его взгляд, хорошо закалённый клинок и целый час оттачивал его на широком, тонкого зерна, бруске. После этого он отдыхал. Сидел, щурился на солнце, перетирал в пальцах отросшие косицы бороды, рассматривал вшей, копошащихся в их прядях. Отдохнув, он вынес из хижины горшок с остатками масла, густо намазал им лицо и голову. После этого доведённым до бритвенной остроты клинком он сбрил с себя все волосы. Вечером высек огня, собрал остатки еды и покушал.

Весь следующий день он гулял по лесочку, купался, валялся на горячем песке. Иногда, замерев и прижмурив глаза, он всматривался в какую-то одному ему видимую даль, грустно улыбался, трогал рукой свои круглые шрамы. Морской воздух, сухой и солёный, вкатывался в грудь, тёк по жилам, сушил и зализывал раны.

Через два дня, заметив появившуюся вдали точку шлюпки, он ещё раз побрился, вымылся горячей водой и натянул на себя самую лучшую и богатую, какая только нашлась в сундуках, одежду.

Поднявшиеся по тропинке друзья-пираты, не дойдя до хижины десятка шагов, остановились, поражённые,

замерли. Смуглый, бритый, в роскошной одежде человек сидел у небольшого костерка и шевелил его кончиком шпаги. Он не успел произнести заготовленное приветствие. У тех, кому он собирался сказать доброе словцо, привычка и сноровка взяли своё: сбросив с плеч на землю корзины, они выхватили ножи, раздались чуть в стороны, пригнулись.

— И всё-таки я приветствую вас, джентльмены, — спокойно проговорил человек. — Тебя, Оливер. Тебя, Матиуш. Подходите, присаживайтесь у огонька.

Подчиняясь его невидимой силе, разбойники сделали несколько шагов, затем, словно опомнившись, остановились, растерянно переглянулись. Матиуш расслабил руку; кончик ножа дрогнул и опустился. Оливер, наоборот, перехватил свой поудобнее, мягкими, отработанными в частых схватках шажками потёк вперёд.

— Глупец, — спокойно произнёс человек. — Ты видишь, что одежда на мне — из ваших сундуков? Ты помнишь, что там было кое-что ещё?

С этими словами он извлёк засунутый сзади за пояс пистолет и умелым, коротким движением направил его точно в середину широкой груди Оливера. Тот, словно споткнувшись, врос в землю, замер в каких-то трёх шагах.

— Вот и хорошо, — миролюбиво продолжил человек. — Подходите, присаживайтесь...

Бык растерянно оглянулся на товарища, поднял обмякшую руку, озадаченно почесал кончиком ножа волосы под шляпой, а человек отвёл от его груди ствол, качнул им приглашающе в сторону костра, и Оливер, поймав опытным взглядом этот жест, коротко, без замаха, от головы, сильным вращением туловища метнул свой тяжёлый и длинный нож. Но не он один знал толк в этом блескучем, скруглённом движении плеча. В ответ на почти не видимый взмах руки человек лёгким рывком сдёрнул в сторону своё туловище и голову — ровно

настолько, чтобы нож, обдав ухо волной воздуха, мелькнул и звякнул о камень стены за спиной.

— Нравится тебе твоя шляпа, Оливер? — на секунду скривившись от боли в лопнувшей кожице, стягивавшей едва заросшие шрамы, проговорил человек и, подняв руку, выстрелил.

Метнулся в лицо бросавшего плотный клуб дыма, но за миг до этого пуля сшибла с его головы самодельный меховой колпак с широкими мохнатыми полями. Бык побагровел, попятился, но через секунду повернулся к Тонне и заорал:

— Дай мне нож! Скорее, пока у него пистолет разряжен!

Он почти силой выхватил нож из руки товарища и вновь решительно и упрямо развернулся к противнику. Тот лишь покачал головой:

— Разве в сундуках был только один пистолет?

Новый ствол был уже оснащён взведённым курком и, как в первый раз, смотрел точно в грудь.

— Только что ты пытался убить меня, а я сохранил тебе жизнь, — без злости, негромко, но с какой-то смутительной силой в голосе проговорил странный человек. — Мы были бы квиты: когда-то ты спас мою жизнь у Чагоса, а я только что не взял твою. Но ты снова нападаешь, и это уже не входит в счёт. Поэтому сейчас я тебя убью. Что ты так побледнел? Смерть — это пустяк. Не предавайся волнению чрезмерно, в ушах зазвенит. А мне нужно, чтобы ты дослушал. Убью тебя сейчас, если ты не встанешь на колени и не дашь слово весь остаток своей жизни подчиняться мне и слушаться всегда и во всём. Клятва мне не нужна. Одно лишь твоё слово, этого будет достаточно. Вот так всё просто. Выбирай...

И человек переступил, развернул плечи в линию, поправил руку. Палец придавил скобу.

— Считать до трёх я не буду. Решай мгновенно.

Скоба сдвинулась с места.

— Э-эх, дьявол, — простонал Бык и ткнулся коленями в землю. — Даю слово, — торопливо проговорил он, — до конца моих дней подчиняться тебе, кто бы ты ни был...

— Стив моё имя, — сказал человек и кивнул Тонне: — Ты тоже.

Тонна тяжело опустился рядом с товарищем и повторил только что сказанное им. Стив подошёл, шпагой с за-копчённым остриём коснулся плеча каждого и очень серьёзно сказал:

— Будь я король, вы сейчас посвящены были бы в рыцари. Но я всего лишь капитан, хотя и довольно живучий. Так что вы пока не рыцари, а моя личная армия. Встаньте и идите к костру.

Он повернулся к пиратам спиной, прошёл на своё место. Те, как во сне, медленно встали, подтащили к костру разбитые безнадежно корзины. Устроились напротив, сидели, подавленно молчали.

— Откуда ты взялся здесь, капитан? — не выдержал Тонна. — Не по воде же пришёл?

— Конечно нет, — ответил Стив, подцепляя на кончик шпаги кусок выпавшего из корзины акульего мяса. — Я так думаю, что это вы привезли меня сюда.

— Мы-ы?!

— Ну да. Привезли, лечили, если только это можно назвать лечением, строили на мой счёт свои планы. Это же я валялся здесь, в хижине, столько дней и ночей.

Друзья переглянулись. Тонна медленно встал, заглянул в хижину.

— Его здесь нет, — взволнованно сказал он, повернувшись к Быку. — Пусто!

— То есть — меня нет, — уточнил Стив. — Да вы, я вижу, до сих пор ничего не поняли. Я просто умылся, побрился и переоделся. Ну и выздоровел, конечно. Может быть, мало теперь похож на вашего пленника, но всё-таки он — это я.

Стив обнажил грудь и показал пиратам свои пулевые шрамы.

— Вы тоже изменитесь, — пообещал он, садясь. — Вымоетесь, срежете с себя волосы — довольно блох кормить, выпарите одежду. Хижину пора вымыть и вычистить. Чтобы порядок был, понимаете? Вот так, а потом отправимся в путь.

— Куда это? — осторожненько спросил Тонна.

— Да, куда? — подхватил вопрос Оливер.

— Ну как же? — деланно удивился новоявленный капитан. — Ведь ты, Оливер, мечтал о сундуке с золотыми монетами? Вот за ним и отправимся.

— Ку-у-да? — замороженно протянул Тонна.

— Куда поведёт нас маленький песчаный крабик. — Стив грустно улыбнулся, поднял к лицу руку со львом, добавил: — Знал бы, выжег бы краба вместо тебя.

Лев молча погрозил ему лапой с зажатым в ней нечётким, синева-серым кинжалом.

МАЛЕНЬКИЙ ЕВНУХ

На Багдад опускался вечер. Стало синим и тёмным небо. И не только оно, а ещё и внешние стены дворца, цветные стёклышки в узких стрельчатых окнах, ковры, перекинутые через гребни дувалов, деревья, люди, тихие голоса — всё стало тёмным, и синим, и призрачным.

В привычный назначенный час явился Ашотик к спальне Хумима-паши и замер на своём обычном месте — низенький, толстый, ручки на животе, голова на мягкой белой шее вытянута вперёд и готова послать повелителю угодливый, трепетный взгляд. Вот только некому посылать взгляда. Целый час стоит Ашотик в длинном и узком коридоре, отделяющем спальню паши от

большого приёмного зала, а повелителя всё нет. Какие дела держат его так долго? Что за тайны вершатся сейчас в заветном, с овальным потолком, кабинете? Железной занозой сидит в груди евнуха злая, досадливая боль — почему он сейчас не в своём бесценном местечке, в полуротонде, за коврами, у слухового окна!

А вечер, ах какой складывается странный. Что-то будет. Забыл повелитель про своих жён, не расспрашивает кизляра — кто сегодня всех милее в гареме, кого удостоить сладким часом. Нет повелителя! Чем таким занят? Время, время идёт... Вот уже зашевелилась рядом с несчастным евнухом ночная стража, или янычары крови, жуткая и прекрасная выдумка Хумима-паши. Дело давнее — как-то сумел вали развести янычар надвое, обособить. В одну сторону — старых, опытных, бывавших в боях, в другую — молодых, менее умелых, но более многочисленных. То эсамы — янычарские билеты для получения жалованья — в разные сроки выдаст, то само жалованье сделает неровным. Всё, конечно, быстро поправлялось, но зависть и недовольство у янычар выросли и окрепли. Теперь эту взаимную неприязнь, этого тихого зверя паша приручил и сделал гарантией безопасности своего ночного сна. Просто и мудро: ночная стража набирается из двенадцати человек. Шестеро — молодых, шестеро — старых. Выстраиваются друг против друга вдоль стен коридора, между ними опускается ажурная кованая решётка. Это сигнал: янычары вынимают ятаганы и впиваются взглядом в стоящего напротив, каждый в своего. Теперь они враги. Теперь каждый может нанести внезапный удар сквозь решётку. Если противник собран и напряжён — он легко отразит удар (всё-таки выпад сквозь металлическое кружево — это не удар в открытую грудь.) Но если несчастный задремал или чуточку оцепенел, стоя с открытыми глазами, то удар он пропустит. Тогда его кровь — смертный

приговор ему и его товарищам по страже, всем шестерым. Одновременно это солидная денежная премия их противникам. Так они и стоят — три смены по три часа, и выходят после этого, шатаясь от усталости, с серыми, измученными лицами. Но зато кто из живых на земле сможет пройти сквозь таким вот образом неспящих стражей! Спокойно поживает Хумим-паша ночью, тихо и сладко.

А! Вот он, вот! Растворились двери (подобрались и крепче сжали рукояти ятаганов уже разделённые решёткой янычары), и на пороге показались Хумим-паша и человек с закрытым лицом. Ашотик едва не застонал. Он знал, кто этот человек. Сборщик базарных слухов и сплетен. О чём шла речь между ними? Никогда уже не подслушать...

— А, это ты! — весело произнёс Хумим-паша, увидев своего кизляр-агаса. — Ну-ка, верхнее «ля», — приказал он.

Вот что отличает Ашотика от ему подобных во дворце. Любой другой на его месте помедлил бы секундочку, пока до него доходил бы смысл слов, обращённых к нему, и ещё секундочку — собираясь и приготавливаясь. Но не рыжий евнух, нет. Не успел ещё великий вали договорить слово «верхнее», а Ашотик уже был готов, ждал только, какую именно ноту назовёт повелитель. И, услышав ещё лишь начальное «ль...», не дожидаясь завершающего «...я-а», он резко вдохнул и запел. Хумим-паша ещё только договаривал это «...я-а», а он уже пел. Но пел не «ля» верхней октавы, нет. В частоте этого «ля» он тянул совершенно другой звук:

— У-у-у-у...

Тоненько-тоненько, чисто-чисто. И затем, в этом же тоне, новый звук:

— И-и-и-и...

Крохотная пауза, и он вновь пропел их, сложив в одно слово:

— Ху-у-ми-и-м...

Негромко, нежно, задумчиво.

Прокатился звук голоса, стих, и зазвенела сама тишина. Замерли очарованные янычары. Сладко зажмурился Хумим-паша. Доволен! А кизляр метнул цепкий взгляд на визиря. (Увидеть бы твоё лицо!)

Истаяла пауза. Зашевелился вали, стряхивая с себя оцепенение. Осторожно выдохнули янычары.

— Может быть, посадить тебя на кол? — мечтательно спросил Ашотика Хумим-паша.

— Будет больно, о великий, — сообщил, как будто некую новость, посерьёзневший внук.

— Так что же, — невозмутимо ответил вали. — Помучаешься немного, потом умрёшь — и всё кончится. Зато я буду уверен, что ни у кого на свете такого евнуха больше нет...

И опять ни мгновения не медлил кизляр. Неуловимым движением дёрнул он шёлковый шнурок на поясе, и широкие, синие, атласные шаровары упали к его ногам, накрыв красное золото туфель и обнажив живот со шрамом, с уродством.

— Я готов, повелитель, — покорно произнёс грустный внук, а Хумим-паша засмеялся. Так засмеялся, что каждому стало ясно — пока жив великий вали, ни один волос не упадёт с головы толстенького рыжего евнуха.

— Сегодня мы не войдём к нашим жёнам, — сказал, отсмеявшись, паша. — А завтра веди сразу, в назначенный час. Кто всех милее сегодня?

— Зарина, — чуточку выждав, сообщил внук.

— Какая она? — спросил, припоминая, с интересом вали.

— Большая, ленивая, белая, — принялся перечислять кизляр. Он помнил, как днём обошёл с Зариной, и хотел возместить её переживания. Отчасти здесь был и расчёт: гарем должен знать, что он справедлив. — Волосы медного цвета, тяжёлые. — И, видя, что вали

стоит, задумавшись, прибавил: — Есть и недостаток.

— Какой? — ожил Хумим-паша.

— Когда обидишь — отъявленно, дико ругается, — сделал страшное лицо, таинственно поведал хитрец.

Хумим-паша снова засмеялся.

— Мы разрешаем. Пусть завтра придёт Зарина. Мы будем её обижать!

Он знакомым движением мизинца отпустил кизляра, и Ашотик, натянув шаровары, собрался было прошествовать мимо ночной стражи, но вали бросил вдруг ему вслед:

— Да, маленький друг, забери к себе в гарем наш любимый кальян. Мы подозреваем, что его собираются похитить. И держи его там дня четыре.

Ашотик быстро повернулся, склонился в низком поклоне, очень низком, чтобы не увидел вали, как побледнели его красные щёчки. Багдадский вор, даже если половина из того, что о нём рассказывают, — правда, может проходить через стены. Страшное поручение, страшное.

Пришёл Ашотик в гарем, подозвал громадного, вдвое выше себя, чёрного евнуха-африканца, отправил за тяжёлым кальяном. Ничего, как-нибудь обойдётся. Не проходит же, в самом деле, багдадский вор сквозь стены! А уж иным способом ему в каменный придел гарема не проникнуть. Проскользнуть мимо Али — всё равно что пройти к паше сквозь его кровную стражу. Не беда! Четыре дня уж как-нибудь кальян можно сберечь, да и плутовская мыслишка мелькнула: развалиться ночью на подушках, да покурить, как паша, лениво поднося ко рту бесценный, с сапфирами, золотой длинный мундштук...

Успокоил себя Ашотик, отдал вечерние распоряжения чёрным евнухам, похлопал многозначительно Зарину по нежной щёчке (притих, зашептался гарем) и поспешил в тайное место, в нишу, за ковры. Даже кушать не стал!

И правильно. Послышался в кабинете звук прикрываемой плотно двери, и знакомый каркающий голос произнёс:

— О, великий...

Это же Аббас-ага!

— О, как вовремя поспешили мы сюда! — подражая паше, едва слышно прошептал Ашотик. — О, что-то будет!

— Мы откроем тайну тебе, о достойный Аббас-ага, — раздался голос вали. (Застыл, зажмурился евнух за своими коврами.) — Слушай. Эти два северных мальчика — не просто живой талисман. Это наша судьба на отмеренный нам Аллахом остаток жизни. Выслушай тайну, Аббас-ага, и проникнись трепетом, как будто не звуки слов раздаются здесь, а шаги самой вечности. Вот карта. (Шорох ткани и звон колец: отдёрнута штора на стене.) Вот наш Багдадский пашалык*. Он похож на скарабея**, брошенного в муравейник. С одной стороны досаждают курды, которые никак не хотят понять, что они завоеваны, и должны либо смириться, либо умереть. Нет. Не хотят. То один, то другой ханы и беки поднимают местные племена на войну с Османской империей, Великой Портой. А вот другая сторона — проклятый Иран. Не может признать утрату Иракских земель и кусает нас зло и упрямо, особенно за эти вот два города — Неджеф и Кибелу. Они, как говорят, священные города у шиитов. Наш предшественник Хасан-паша пробовал всё: рубил их саблей, рождался с арабскими шейхами, раздавал чины и подарки, разжигал усобицы. И что он имел в результате? Вечные восстания племён, особенно мунтафиков. Мы бы отдали шиитам эти бедные, маленькие Неджеф и Кибелу, пусть подавятся, но что скажет султан?

---

* Пашалы́к — область.

** С карабей — большой жук.

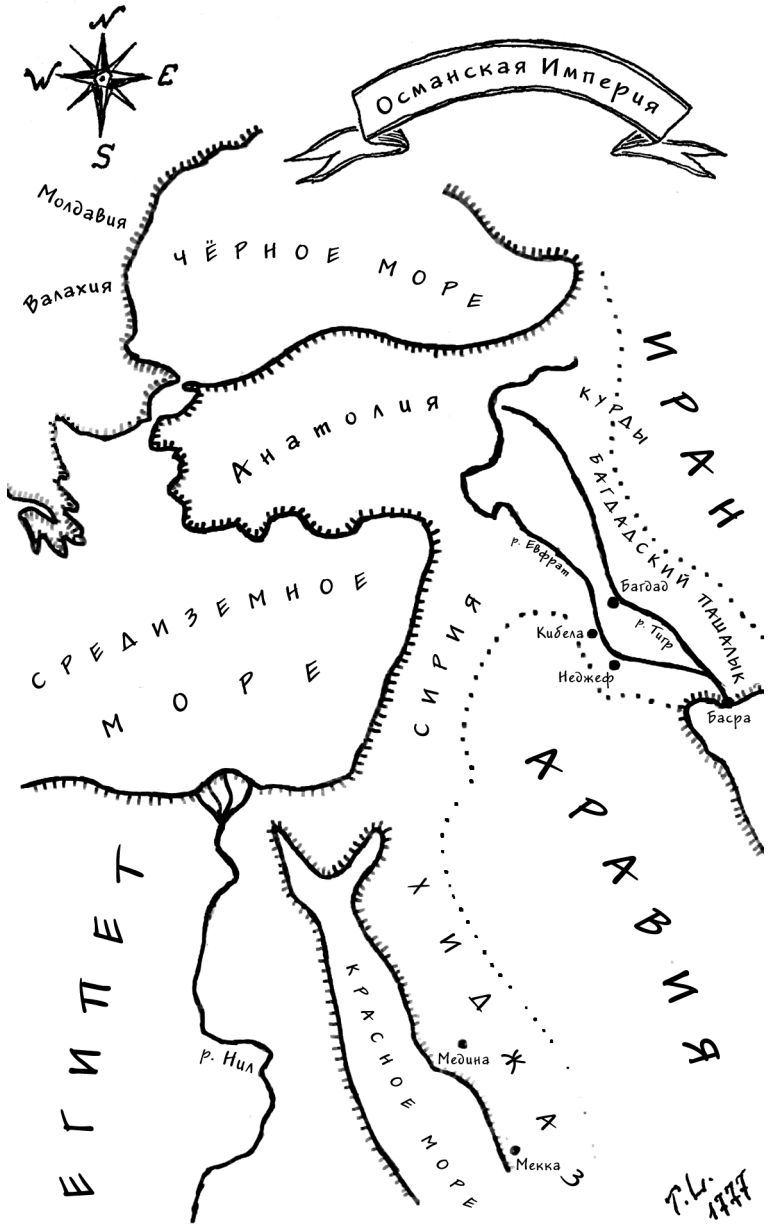
Теперь, наконец, о султанах. Мы исполнены надеждой, мы мечтаем, что он выполнит нашу просьбу: переведёт нас из беспокойного Багдадского пашалыка в другое место. Тихое, уютное и безмятежное. Приготовься, Аббасага, услышать тайну из тайн дум моих. Таким местом мы считаем Хиджаз. Великая Порта относится к этому пашалыку иначе, чем ко всем остальным завоёванным провинциям. Хиджаз не платит дани в казну. Напротив, паши Египта и Сирии обязаны отправлять туда дары для знати и духовенства. Они обязаны так же ссужать деньгами вождей хиджазских племён, через земли которых проходят пути паломников. А всё дело в том, что на территории Хиджаза находятся священные города ислама — Мекка и Медина. Господство над ними Османской империи — лишь для вида. Но это назывательное господство как бы даёт ей право на духовную власть над всеми правоверными мусульманами.

Да, наместник султана не имеет там силы. Он лишь его представитель при шерифе Хиджаза. Но зачем нам власть здесь, в Багдаде, думаем мы, если днём мы вынуждены подавлять чьё-либо восстание, а ночью гадать, как предотвратить новое! С Багдадской провинции мы собрали уже столько денег, что не истратить и за четыре жизни. Самое время воспылать страстью к религии и просить султана перевести нас в Хиджаз. Там нет реальной власти, но там спокойно. Не нужно отвечать за нежелание арабов и курдов быть рабами Великой Порты. Не придётся каждый день примерять шею к топору стамбульского палача. Трать денежки, ешь, спи, улыбайся в ответ на угодливые улыбки мекканского духовенства. А какими райскими цветами распускаются там ярмарки в сезон хаджа*! Как хорошо ездить по ним на

---

* Хаддж — паломничество.

лучшем в Хиджазе коне, сыпать золото, ловить восхищённые взгляды, покупать рабов и невольниц!

И вот здесь, почтенный Аббас-ага, мы разрешаем тебе задать нам вопрос. Догадайся, какого вопроса мы ожидаем.

— Да простится мне моя дерзость, о великий, — послышалось хриплое почтительное карканье, — но я думаю, что вопрос здесь может быть только один: как султан назначит вашу милость наместником Хиджаза, если там уже есть наместник?

— Ты очень мудр, наш верный Аббас-ага. И мы думаем, что тот, кто может правильно поставить вопрос, сможет надёжно его и решить. Наместник Хиджаза в нужный момент должен, немного похворав, отправиться к Аллаху. Мы сообщим тебе, когда этот момент настанет. Но это в будущем. А пока — есть ещё один вопрос. Как сделать так, чтобы султан назначил наместником именно нас?

— Деньги могут многое, о великий.

— Правильно. Чтобы стать наместником Молдавии или Валахии, нужно пять или шесть миллионов пиастров. Хиджаз — не столь, на первый взгляд лакомый кусок. Он обойдётся миллиона в два-три. Деньги есть, но как их донести до султана, чтобы не остаться и без денег, и без головы?

— Не знаю, о великий, да простится мне...

— Разумеется, ты не знаешь, — перебил его Хумим-паша. — Мы расскажем тебе. Сделать нужно малое. Нужно похитить и привезти сюда, в Багдад, этих близнецов. Затем старательно умножить легенды и слухи, уже окружившие их. Когда эти легенды дойдут до Стамбула, мы подарим близнецов матери султана, самой валидэ-султан. И вместе с тем передадим ей деньги для её сына и скромную просьбу — назначить нас наместником в осиротевший Хиджаз.

— Мудрость ваша несравненна, о великий!